

Мария КУЗЬМИНА

ЛИК В ПУСТОМ ИКОНОСТАСЕ

И сказал Господь: «Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих».

Евангелие от Луки, 31:32

I.

Две стихии XX века не отпускают меня: Великая Отечественная война и гонения на Церковь.

Первая тема — источник национальной гордости. Победа в войне делает страдания миллионов людей как бы искупленными, ненеприятными. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Евангелие от Иоанна, 15:13). Это нравственное правило во все времена спасало нашу страну от внутренних разделений и внешних супостатов. «Никто не забыт, ничто не забыто»: храня память, мы снова и снова воскрешаем погибших, останавливая «силу забвения — силу всепожирающего времени» [10]. Победа в Великой Отечественной войне укоренена в сознании русского человека именно как основание народного единства, а патриотизм — как национальная идея. В контексте государственного строительства обращение к теме победы в войне закономерно: общество должно быть едино, чтобы противостоять внешним вызовам.

Вторая тема — гонения на верующих — тема неудобная. Это прах поражения, стыдливо заметный под половицы истории. И все же хотелось бы услышать и тех, невинно убиенных, неизвестных, безгласных, чтобы подвиги наших соотечественников покинули гетто исторического небытия и получили законную прописку на страницах, повествующих о людях духа, которыми страна может гордиться.

Название очерка отсылает к одному личному переживанию. Дело было в 2018 году, когда мы с семьей путешествовали по Золотому кольцу и оказались в Ростове Великом. Меня ошеломила внутренняя «мерзость запустения» святого места — Успенского собора Ростовского кремля. Мало того что внутри собора царил пробирающий до костей холод (неотапливаемый храм вымораживался зимой, а весной и летом «отдавал» холод), — на громадном иконостасе с облупленной краской зияли мрачные отверстия с обрывками тряпок вместо икон. Как в заброшенном доме, где давно никто не живет. Дыры в иконостасе стали метафорой призраков прошлого. Многолетнего периода поруганных святынь.

Я обратилась к изучению исторических свидетельств, из которых самыми мощными и в плане воздействия, и в плане смысловом оказались жития пострадавших за веру — новомучеников и исповедников XX века.

Их содержание повергает в трепет и ужас: основанные на протоколах допросов жития замученных за веру в XX веке без лишних эмоций и свойственных агиографическому жанру преувеличений и преданий повествуют о неумолимых фактах. Узнавая о них, невольно задаешься вопросом: «Как можно было все это описать?» А еще «Как вообще такое могло произойти?» Постепенно уму читающего открывается истина: такое может произойти *в любое время*. Даже сегодня или завтра, потому что природа человека и бесконечная глубина его падения не меняются никогда.

В наше время индивидууму, который мучается в попытках осмыслить жизнь, предлагают обратиться к психологу. Специалист по изучению психики расскажет о необходимости преодоления «травмы» (какая уж тут травма — «ты не ранен, ты просто убит»), выстраивания границ (своевременный совет оказавшемуся в эпицентре землетрясения) и любви к себе. В душе каждого современника имеется портативный алтарь для этого алчного божества. Экологичный, безотходный и толерантный.

Невозможно спасти человека и даже целый народ, который не нашел свой *сверхсмысл*. Об акте прорыва «воли к смыслу» как об основе человеческого бытия писал основатель Третьей венской школы психотерапии доктор Виктор Франкл, чудом выживший узник четырех концлагерей. Если следовать интерпретации доктора Франкла, подвиг новомучеников — проявление стержня жизни, которая торжествует «смертию смерть поправ». Франкл считал, что существование человека не аутентично (не удовлетворяет определению человечности), если не проживается как самотрансценденция. Имеется в виду постоянное преодоление самого себя, выход за пределы самости. Речь идет о самопожертвовании — идее, которая в «бездушной» науке о душе заменена целым ворохом запретных моделей поведения. Определяющим императивом в поступке страдания за веру вплоть до смерти является то, что это *личный выбор* в пользу воплощения евангельского идеала. Принимая это положение, мы выводим обсуждение темы мученичества за веру за политические скобки, заостряя внимание на смысловой нагрузке подвига — готовности до конца отстаивать самое дорогое сердцу. Для новомучеников самое дорогое и неотъемлемое — свобода исповедовать веру. Для сражающихся за свою землю — свобода от врага — нацизма, как в XX, так и в XXI веке.

В личностном, *сверхсмысловом* подходе мне видится возможность преодоления последствий русской смуты и трагедии XX века. Можно ли примирить красных и белых? Едва ли. Попытка рассудочно осмыслить противоборствующие позиции терпит фиаско. История преподносит все новые факты, которые та или иная сторона бросает в костер ненависти. Чтобы остаться целым, рассудку необходимо выбирать что-то одно. В этом случае вновь рвутся связи, рушатся отношения, множатся споры, в которых истина не рождается. Восстановлением связей занимается религия (лат. *religare* — «связывать снова») и... литература. И в религии, и в литературе сохраняется возможность сосуществования противоположностей, и это единственный *modus vivendi* религии и литературы: истина антиномична и способна устоять лишь в режиме парадоксальности. В отношении религии антиномичность присутствует в книгах Ветхого Завета, Евангелие уже насквозь парадоксально: «Книга, прозрачная как хрусталь, есть в то же время Книга за семью печатями» [10]. Гений, как известно, всегда «парадоксов друг». Пусть невозможно «розу белую с черной жабой... на земле повенчать», но поэт будет стремиться к этому. На то он и поэт.

Размышления над событиями времен Гражданской войны — без преувеличения самых противоречивых лет российской истории — убеждают в необходимости обратиться к провожатым, ценящим свободу личности и видящим ее красоту.

Достоевский и Бродский. И писатель, и поэт считают эстетическое категорией, не подлежащей осмыслению и открывающейся в чувстве. Парадоксальной красоте русского народа удивлялся Достоевский: «Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоты его. Но он сохранил красоту своего образа» [5]. Словно эхом «железному» XIX веку отвечает безумный от жестокости, но не потерявший веру в свой народ век XX:

Мой народ, возвышающий лучших сынов,
Осуждающий сам проходимцев своих и лгунов,
Хоронящий в себе свои муки — и твердый в бою,
Говорящий бесстрашно великую правду свою.

Это лишь одно четверостишие из стихотворения Иосифа Бродского «Народ» (1964), но там прекрасна каждая строчка. Анна Ахматова, которой Бродский первой прочитал его сразу по возвращении из ссылки, назвала эти стихи «гимном народу» и записала: «...в смысле пути нравственного это то, о чем говорил Достоевский в “Мертвом доме”: ни тени озлобления или высокомерия, бояться которых велит Федор Михайлович...» [1]

Кроме того, двух гениев объединяет отрицание рационалистического подхода к личности. «...Писатель предполагал, что человек... является существом духовным, — писал Бродский о Достоевском. — Он повествует об этой борьбе — о перетягивании каната — между верой и утилитарным подходом к существованию; о маятникподобном движении человеческого духа между двумя безднами: добра и зла» [2]. Глубоко понимающие историю, оба автора пренебрегают историческими обстоятельствами в пользу личностного плана, реализуемого в акте подвига, когда речь идет о пожертвовании ради предмета любви. Целью творчества оба литератора считают духовное возрождение и возвеличивание человека — подобно тому, как Церковь считает целью жизни человека стяжание Духа Святого, обожение. Достоевский и Бродский, к творческому подходу которых я обращаюсь для осмысления пути мучеников за веру, обеспечивают верную методологию работы с материалом, используя принцип соответствия объекта и метода.

Бродский объясняет принцип историчности, который в этом очерке стал отправным моментом в обращении к прошлому: «Мы, чтобы понять, что произошло, должны отождествить себя с жертвой, а не с уцелевшим и не с наблюдателем. Однако на деле история — искусство наблюдателей, поскольку главная черта жертв — их молчание, ибо убийство делает их безгласными» [3].

Прежде чем перейти непосредственно к теме очерка, приведу отрывок из «Дневника писателя», где Достоевский описывает один случай, основные черты которого пророчески повторяются спустя несколько десятилетий в страданиях верующих России в XX веке. В 1875 году в безвестности и униженности был замучен за веру в турецком плену русский унтер-офицер Фома Данилов. Ему предлагали выбор между отречением и мучительной смертью.

«...Но несмотря на все, что его ожидает, этот неприметный русский человек принимает жесточайшие муки и умирает, удивив истязателей. Знаете что, господа,

ведь из нас никто бы этого не сделал. Пострадать на виду иногда даже и красиво, но ведь тут дело произошло в совершенной безвестности, в глухом углу; никто-то не смотрел на него; да и сам Фома не мог думать и, наверно, не предполагал, что его подвиг огласится по всей земле Русской. Я думаю, что иные великомученики, даже и первых веков христианских, отчасти были утешены и облегчены, принимая свои муки, тем убеждением, что смерть их послужит примером для робких и колеблющихся и еще больших привлечет к Христу. Для Фомы даже и этого великого утешения быть не могло: кто узнает, он был один среди мучителей...» [6] Именно полное одиночество и безвестность — новый ореол русской святости. Нет иных мотивов, кроме одного — не предать то, что составляет сущность человечности.

Пришло время обратиться к главному герою очерка — молчаливому лику среди шумной толпы кумиров современности. Мы посмотрим друг на друга, а потом лик заговорит.

III.

Со страниц житий новомучеников на нас смотрит черно-белая фотография: лицо с умными и слегка насмешливыми глазами, губы тронуты едва заметной улыбкой, обозначая зримый след сокровенного знания. Это священномученик Василий (Зеленцов), человек неумолимой воли, крепкого духа и глубокой эрудиции. Снимок сделан в... тюрьме, когда ему сообщили о вынесенном приговоре — расстрел. Этот человек улыбается, зная, что совсем скоро его ждет казнь в полной безвестности. Как может радоваться узник перед расстрелом? Как можно быть умным, образованным человеком, тонко воспринимающим жизнь, знающим всю ее несправедливость, и так глядеть на мучителей перед смертью? Возмож-

но, именно бесстрашие перед лицом смерти и послужило спусковым крючком для размышлений и выводов, которые сплелись венцом, ореолом вокруг фактологии жития новомученика Василия, взятой из книги доктора исторических наук игумена Дамаскина (Орловского) «Жития новомучеников и исповедников российских XX века. Январь» (это первая книга многотомного издания).

Основой «Житий...» игумена Дамаскина стали исключительно документы и подтвержденные архивами факты. Читаешь текст, и действующие лица ожидают: по докладным, заметкам, текстам допросов и приговоров, письмам людей видишь, как выживали, учились и учили люди того времени. Особенно распаивается во всем своем величии и упадке духовная жизнь. Одни превращаются в предателей, а другие делают свое дело на своем месте. Кто-то с трудом и страхом, но держится, кто-то бесстрашно и безрассудно, не прогибаясь и не сгибаясь, шагает по жуткой жизни...

Василий Иванович Зеленцов родился 8 марта 1876 года в семье священника и получил хорошее образование: в 1900 году он окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Он служил помощником инспектора в Красноярской духовной семинарии, затем был назначен учителем русского языка в Мариупольское духовное училище. Исторически и географически — как крупный портовый город — Мариуполь был пестрым по конфессиональным

предпочтениям населения. В свободное от преподавания время Василий Иванович вел обличительную борьбу с мариупольскими сектантами. Именно этот род деятельности был ему ближе всего. Он хорошо знал церковную догматику, Священное Писание и историю конфессиональных конфликтов на западных землях Российской империи.

В 1912 году Василий остался единственным кормильцем своей большой семьи. Его отец, прослуживший в сельской церкви тридцать восемь лет, вышел за штат, а на иждивении у него находились дочь, учившаяся на высших женских курсах в Москве, и жена покойного сына с шестью маленькими детьми. Василий просил начальство перевести его поближе к семье, в Рязанскую епархию, чтобы он мог помогать родным, но его ходатайство не было удовлетворено. Несмотря на то, что в нем отчаянно нуждалась семья, не менее сильна была нужда в горящем верой и образованном слуге в епархии на территории беспокойных западных российских земель. В 1914 году Василий Зеленцов был назначен мариупольским окружным миссионером Екатеринославской епархии, много проповедовал на богослужениях и крестных ходах.

В 1917 году открылось заседание Поместного собора Русской православной церкви. В Москве, куда отец Василий прибыл для участия в соборе, было неспокойно. Третья сессия собора проходила в июле — сентябре 1918 года в Московском епархиальном доме в Лиховом переулке. Поскольку на улицах Москвы, ставшей с марта 1918 года столицей Российской республики, происходили вооруженные столкновения, участникам собора приходилось добираться до места с крайней осторожностью и риском для жизни.

На этом историческом соборе впервые со времен Петра I был избран патриарх. Им стал архиепископ Тихон (Белавин). Восстановление патриаршества после двухсотлетнего синодального периода, да еще в условиях разрушающихся государственных устоев, было необходимо для выживания Русской православной церкви. Решением собора Церковью «была добыта независимость» [9], которую отец Василий готов был отстаивать любой ценой. Участники собора не могли предполагать, к каким изменениям во всем укладе жизни приведут происходящие в стране события и с каким государством им придется иметь дело, поэтому высказывались разные мнения. Василий Иванович выступил на соборе: «Мы должны ожидать целого ряда законов, которые будут вредны для Церкви... Церковь есть Царство Христово, “Царство не от мира сего”. Пусть государство — тоже богоустановленное учреждение. Они могут быть в союзе, но Церковь никак не должна быть подчинена государству, как было с Петра Великого, когда на Церковь смотрели как на ведомство православного исповедания и Церковь была признана культурно-просветительским учреждением, находящимся в подчинении у государства. Церковь по своей природе и происхождению самостоятельна» [7].

Когда на Поместном соборе стало известно, что в Киеве созывается собор украинских епископов и назревает церковный раскол, Василий Иванович Зеленцов выступил с резкой критикой самой идеи Украинского собора и автокефалии Украинской церкви. Отец Василий утверждал, что Украина не смогла сохранить православие и дошла до унии (объединения с католиками). При Петре I влияние малороссийских архиереев на императорский двор способствовало упразднению патриаршества. В 1918 году Василия Зеленцова назначают миссионером в Полтаву, где в 1919 году он стал священником в Троицкой церкви. В 1917—1919 годах Полтава переходила из рук в руки. Приход

каждой новой власти сопровождался беспорядками, разгромами, убийствами. После отхода войск Деникина город покинула большая часть духовенства, а отец Василий остался. Он продолжил заботиться о бедных прихожанах и миссионерствовать: пешком обходил окраины города для проповеди в среде сектантов, баптистов, католиков и евреев. Кроме помощи бедным, он содержал четырех сирот — детей умершего брата.

IV.

Приближалось время, когда такой желанный отцом Василием путь миссионера сжимался до «узких врат», которыми начиналась тернистая тропа на гору страданий.

В 1922 году начинается изъятие церковных ценностей под предлогом помощи голодающим. Отец Василий обращается к прихожанам с призывом жертвовать хлеб для голодающих, а властям говорит: «Мы дадим вам вдвое и втрое больше, но не трогайте наших храмов» [7]. Он выступал противником передачи властям богослужебных предметов, будучи уверен, что до голодающих они не дойдут. 30 мая 1922 года отец Василий был арестован и заключен в тюрьму в Полтаве. Первое время он находился в общей камере и все продукты, которые ему передавали, раздавал заключенным. Нравственное влияние священника на остальных узников было столь велико, что отца Василия перевели в одиночку.

Затем над отцом Василием устроили публичный показательный судебный процесс. Государственным обвинителем был сын священника с Западной Украины Бендеровский, а в качестве свидетеля выступил начальник Полтавского ГПУ латыш Линде. В последнем слове отец Василий говорил: «Я уже заявлял вам и еще раз заявляю, что я лоялен к советской власти как таковой, ибо она, как и все, послана нам свыше... Но где дело касается веры Христовой, касается храмов Божиих и человеческих душ, там я боролся, борюсь и буду бороться до последнего моего вздоха с представителями этой власти; позорно, грешно было бы мне, воину Христову, носящему этот святой крест на груди, защищать лично себя, в то время как враги ополчились и объявили войну Самому Христу. Я понимаю, что вы делаете мне идейный вызов, и я его принимаю...» [7]

Отца Василия обвинили в числе прочего в содействии деникинцам и в призывах вступать в белую армию. 12 августа 1922 года был оглашен приговор: «гражданина Зеленцова Василия Ивановича — расстрелять». Однако по кассационной жалобе адвоката в Верховный трибунал смертный приговор был заменен на пять лет тюремного заключения. «Услышав, что приговор изменен, отец Василий огорчился», — отмечает агнограф [7].

Срок отец Василий отбывал в общей камере и пользовался среди заключенных, включая уголовников, огромным уважением и любовью. Они его звали «наш отец», «наш батюшка», «наш Василий» и защищали от произвола тюремного начальства. Отец Василий был досрочно освобожден в 1925 году. Возвращаясь в Полтаву, он забрал с собой ребенка скончавшейся нищей женщины, которая до этого сидела под окнами тюрьмы, и воспитывал его вместе с другими четырьмя детьми.

С 1920-х годов усиливается направленная против канонической Церкви активность мирян, смещавших неугодных церковных деятелей. Светские политические разногласия переносятся на жизнь церковную и разделяют единство Церкви, утягивая верующих в раскол [8]. Отец Василий приглашал в Троицкий храм

тех священников, которые были сторонниками движения к украинской автокефалии, чтобы прихожане послушали их и убедились в слабости их раскольнической позиции. Так и произошло: выслушав раскольников и отца Василия, прихожане уже не имели сомнений в том, что в этом новом малороссийском религиозном движении нет правды. Проповеди отца Василия имели сильное влияние, так как он сам имел тот дух, к которому призывал своих прихожан: «никаких поблажек им, никаких компромиссов с ними, бороться и бороться с врагами Христа, не бояться пыток и смерти, ибо страдания за Него — высшее счастье, высшая радость» [7]. В 1925 году отец Василий был пострижен в мантию — стал монахом. В том же году тайно прибывший в Полтаву епископ Дамаскин (Цедрик) произвел хиротонию отца Василия. Теперь он стал епископом Прилукским, викарием* Полтавской епархии. Бесстрашная позиция миссионера не давала покоя властям, целью которых было запугать и сломить сопротивление верующих, вследствие чего отца Василия неоднократно вызывали на допросы в ОГПУ.

Записи допросов новомучеников и исповедников веры свидетельствуют об этих заключенных как об образованных, думающих людях. Они хорошо разбирались в законах нового советского государства, понимали положение Церкви в государстве, место и обязанности новой власти по отношению к Церкви, официально декларируемые и прописанные в законе, но не исполнявшиеся. Подтверждением тому служит переписка священнослужителей, находившихся в тюрьмах и лагерях, с представителями советской власти. Однако тем силам, которые боролись с Церковью, законные основания были нужны как прикрытие, а также для того, чтобы лишить мучеников за веру их мученической славы. Их официально ссылали и расстреливали не за веру, а за шпионаж в пользу иностранных государств, контрреволюцию и по другим политическим статьям.

Против владыки Василия, сторонника патриарха Тихона, выступал сначала один из ключевых агентов влияния ГПУ в конфессиональной среде украинский националист С. Карин-Даниленко [4]. После заключения епископа Василия в Бутырскую тюрьму его делом занялся начальник Секретно-политического отдела ОГПУ Е. А. Тучков. Легендарный в своем роде Тучков, получивший звание заслуженного чекиста за деятельность по уничтожению православия на русской земле, сыграл ведущую роль в отделении украинской православной церкви от патриаршей. С кончиной патриарха Тихона цель создания управляемой структуры, в которую бы вошли епископы-раскольники, стала еще ближе. В 1925 году, после ареста патриаршего местоблюстителя митрополита Петра, был создан Временный высший церковный совет, который был задуман как подчиненный советской власти епископский совет без патриарха. Епископ Василий встречался и беседовал с епископами — членами совета. Для него было очевидно, что, согласившись на условия Тучкова, Церковь встанет на неканонический путь.

Епископа Василия, как «тихоновца», арестовали в 1926 году. Из Бутырской тюрьмы его направили на три года в концентрационный лагерь на Соловки. В октябре 1928 года епископ Василий был досрочно освобожден и переправлен в ссылку в Сибирь, в Иркутскую область, а в конце 1929 года последовало новое постановление о его аресте. Его опять отправили в Москву, где с ним в переговоры вступил Тучков... Епископ Василий, не изменивший бескомпромиссной позиции в отношении защиты православия, был приговорен коллегией ОГПУ к расстрелу; приговор был приведен в исполнение 7 февраля 1930 года.

* Викарий — помощник правящего епископа.

...Две темы XX века не отпускают меня: тема Великой Отечественной войны и тема гонений на Церковь. Какими бы жаркими ни были споры о самой возможности сравнения, сопоставления жертв Великой войны и Великих страданий за веру, есть единственное место, где эти споры утихают, поскольку лишаются смысла. Это кладбище.

На Ваганьковском кладбище похоронен мой дед, старший лейтенант артиллерийской разведки, прошедший всю Великую Отечественную войну, от Волховского фронта до Кенигсберга. Он отдал Родине лучшие годы жизни, один глаз, три пальца и чуть не лишился ноги, испещренной осколками. «До следующей встречи» — написано на могиле у дедушки на Ваганьковском кладбище. Епископ Василий нашел свой последний земной приют гораздо раньше. Он похоронен в безвестной могиле. Хочется, чтобы могила замученного священнослужителя, человека Духа не была больше безвестной, чтобы история его борьбы влилась в могучий поток бессмертного полка наших предков — защитников истины.

Родные люди, соотечественники, отдавшие жизни за землю и за веру, — они становятся единым целым, одной землей, из которой все мы взяты и куда мы все возвращаемся (Бытие, 3:19), обращаясь в тот самый «ни в чем не замешанный прах», как писала Анна Ахматова.

Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

Литература.

1. Бондаренко В. Величие замысла // Литературная газета, 2015. — № 21 (6510).
2. Бродский И. Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому // Континент, 1986. — № 50. — С. 229—234.
3. Бродский И. Профиль Клио / И. Бродский. О скорби и разуме: Эссе. — СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория». — 2017. — С. 126—153.
4. Веденеев Д. В. Инспириатор церковных расколов 1920-х — начала 1930-х гг. на Украине (страницы биографии чекиста Сергея Карина-Даниленко) // Петербургский исторический журнал, 2015. — №2 (6). — С. 208—220.
5. Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 1876, февраль, I гл. // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений: в 30 томах. — Л.: Наука, 1981. — Т. 22. — С. 39—50.
6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 1877, январь, I гл. // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений: в 30 томах. — Л.: Наука, 1983. — Т. 25. — С. 5—17.
7. Жития новомучеников и исповедников российских XX века. Январь / сост. Игуменом Дамаскиным (Орловским). — Тверь: Изд-во «Булат», 2005. — С. 317—337.
8. Заев В. История церковных расколов в Украине в XX веке [Электронный ресурс] / Документы различных областей. — Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2808070-pall.html>, свободный. — Загл. с экрана.
9. Зёрнов М. В. Вселенская Церковь и русское православие [Электронный ресурс] / Православный портал «Азбука веры». — Режим доступа: https://azбука.ru/otchnik/Nikolaj_Zernov/vselenskaja-tserkov-i-russkoe-pravoslavie, свободный. — Загл. с экрана.
10. Флоренский П. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двадцати письмах. — 2-е изд. — М.: Академический проект, 2017.